

Г.И.Песталоцци "Как Гертруда учит своих детей". Письмо второе

В Бургдорфе я вскоре так же устал, как и в Станце. Друг! Если ты когда-нибудь не в состоянии будешь поднять камень без чьей-либо помощи, не пытайся делать это один даже в течение четверти часа. Я сделал на самом деле несравненно больше, чем должен был, и все же некоторые считали, что я обязан был сделать еще больше. Непрерывной работой в школе с утра до ночи я был так утомлен, что вновь стал опасаться худшего. Таково было мое состояние, когда смерть Фишера привела ко мне учителя Крюзи, через которого я познакомился также с Тоблером и Буссом, объединившимися со мной спустя несколько недель. Их приход спас меня от гибели, а мое дело - от безвременного конца еще до того, как оно успело приобрести известность. Между тем эта опасность все еще была столь велика, что в минуты, когда решалась судьба моего дела, мне ничего другого не оставалось, как отважиться на самое крайнее не только в экономическом, но, я сказал бы, даже и в нравственном отношении. Я дошел до такого состояния, когда завершение мечты, целиком захватившей мою жизнь, становилось для меня самым актом отчаяния, вызывавшим во мне такие настроения и толкавшим на такой образ действий, которые сами по себе и с экономической стороны чуть ли не носили печать безумия. Ведь из-за ужасного своего положения, вечных несчастий, несправедливости, затрагивавших самую основу моих стремлений, я крайне опустил, и именно в то время, когда, казалось, начинал действительно приближаться к своей цели. Вполне удовлетворяющая меня помощь, которую я получаю от этих людей, возродит меня экономически и нравственно. Впечатление, произведенное на них и моим положением, и моей деятельностью, и последствия их союза со мной сами по себе слишком важны для моего метода и бросают слишком яркий свет на сущность его психологических основ, чтобы я мог обойти молчанием, как они присоединились ко мне. Крюзи, с которым я прежде познакомился, провел свою юность в самых разнообразных занятиях и благодаря этому приобрел многостороннюю практику, которая у людей низшего сословия часто закладывает основы более высокого умственного развития, а людей, прошедших эту практику с детства, делает пригодными для более многосторонней и более широкой деятельности. Его отец, занимавшийся мелкой торговлей, часто уже в двенадцати-тринадцатилетнем возрасте посылал его на далекие расстояния с шестью-восемью дублонами для закупки товаров, так что он одновременно выполнял должность рассыльного и комиссионера. В дальнейшем он наряду

с этим занимался ткачеством и поденной работой. Восемнадцати лет отроду он взялся за работу учителя в Гайсе, откуда он родом, хотя не имел никакой подготовки. Как он сам теперь говорит, он тогда даже не слышал о простейших грамматических правилах; о чем-либо большем и речи быть не могло, потому что он не получил другого образования, кроме обычной швейцарской деревенской школы, где курс обучения ограничивался только чтением, списыванием прописей, заучиванием наизусть катехизиса и т. п. Но он любил общение с детьми и надеялся, что должность учителя сможет для него стать средством получить образование и приобрести познания, недостаток которых давал себя сильно чувствовать еще в бытность его рассыльным. Так как ему при этом поручалась закупка то нашатыря, то буры, то сотен других предметов, названия которых он никогда не слышал - причем он не должен был забыть ни одного, даже самого незначительного, поручения и отвечал за каждый геллер,- ему обязательно должна была прийти в голову мысль, как полезно каждому ребенку в такой же мере научиться в школе писать, считать, читать, упражнять свои умственные силы и даже говорить, в какой, как он теперь чувствовал, ему самому необходимо было все это уметь делать при своей жалкой профессии. Уже в первые недели у него было до ста учеников; но свыше его сил оказалась задача - как занять всех детей, чему их учить, как поддерживать дисциплину. До этого времени он не знал никаких других видов работы с учениками, кроме задавания азбуки, чтения и заучивания наизусть, пересказа по порядку и наказания розгами, если ученики заданного не выучили. Однако по опыту собственной юности Крюзи знал, что при такого рода занятиях большинство детей празднично проводят большую часть школьных часов и именно поэтому занимаются всякими глупостями и безнравственными делами; он знал, что таким образом понапрасну уходит лучшее время для учения, а польза от учения не может даже уравновесить вредных последствий такого рода занятий.

Пастор Шисс, энергично противодействовавший старому, рутинному преподаванию, в течение первых двух месяцев помогал Крюзи вести занятия. Они с самого начала разделили учеников на три класса. Это разделение, как и использование новых учебников, которые незадолго до того были введены в школе, позволило проводить упражнения в составлении складов и в чтении одновременно со многими детьми и таким образом занять всех детей в большей степени, чем это удавалось раньше. Шисс также снабдил его самыми необходимыми учебниками для самообразования и хорошей прописью, которую Крюзи переписал раз сто, чтобы по ней выработать почерк; таким образом, он вскоре был в состоянии удовлетворить основные

требования родителей. Но его самого это не удовлетворяло. Он не только хотел обучать своих учеников чтению и письму, но и развивать их ум. Новая книга для чтения, введенная господином пастором в своей общине, содержала изложение закона божьего в виде рассказов и библейских изречений, отрывки из природоведения и естественной истории, географии, государственного устройства и т. д. При упражнении в чтении по школьной книге пастор, как видел Крюзи, задавал детям несколько вопросов по каждому прочитанному разделу, чтобы увидеть, поняли ли они то, что прочитали. Крюзи пытался сделать то же самое и добился, что большинство учеников полностью усваивали содержание книги. Но это ему удалось, конечно, лишь потому, что, подобно славному Гюбнеру, он приспособливал свои вопросы к ответам в книге, не ожидая и не требуя другого ответа, кроме дословной передачи того, что уже имелось в книге еще до того, как был придуман вопрос, который, собственно, и должен был вызвать ответ; это ему удавалось, конечно, потому, что он в катехизирование совершенно не привносил ничего такого, что являлось бы упражнением ума в подлинном смысле этого слова. Здесь следует, однако, заметить, что этот старый метод обучения, который называют катехизацией, меньше всего был пригоден для упражнения ума; это простое анализирование слов в беспорядочно расположенных предложениях, и оно лишь в той мере полезно в качестве подготовительного занятия к постепенному уяснению понятий, в какой разрозненные слова и предложения дают ребенку для большей наглядности в определенном порядке. Сократический метод только в наши дни соединили с катехизическим, который первоначально применялся только для религиозного обучения. Пастор своим старшим ученикам ставил в пример детей Крюзи, обученных по методу такого задавания вопросов. Но позже Крюзи действительно занялся модным по тому времени делом, а именно смешением несложного анализа слов, называемого катехизированием, с сократическим методом, предполагающим более сложную трактовку предмета; но это смешение по самой своей природе ведет не к чему иному, как к квадратуре круга, которую какой-нибудь дровосек с топором в руке пытается решить на деревянной доске; это не получается. Необразованный поверхностный человек не постигает глубин, из которых Сократ черпал дух и истину; поэтому естественно, что дело теперь не шло. Учителю недоставало основы для задавания вопросов, а детям - для ответов. Им недоставало также слов для выражения неизвестного им, недоставало книг, которые подсказывали бы им всегда точный ответ на понятый или непонятый вопрос. Между тем Крюзи еще неясно чувствовал различие между этими столь разными занятиями. Он еще не знал, что если отвлечься от преимуществ,

даваемых отбором слов и владением формами анализа, к чему катехизация подготавливает, то собственно катехизация, главным образом катехизация абстрактных понятий, представляет только попугайское повторение непонятых звуков; сократический же метод в значительной мере был непригоден для детей, которым недоставало фундамента предварительных познаний и внешних средств, то есть достаточного знания языка. Суждение Крюзи об этой неудаче было несправедливо по отношению к себе; он полагал, что дело только за ним, и воображал, что каждый хороший учитель в состоянии путем вопросов добиться от детей правильных и точных ответов по поводу любого рода религиозных и моральных понятий. Он поддался соблазнам моды на сократический метод, когда это высокое искусство почти повсюду погрязло в шарлатанстве и из-за примешивания к нему капуцинских и шульмейстерских приемов катехизации потеряло свои достоинства и было испорчено. В это время мечтали таким образом пробудить разум и, по существу, из ничего добиться чудес; но я полагаю, что близко пробуждение от этой мечты. Крюзи еще крепко спал, он был основательно убаюкан ею; и я был бы удивлен, если этот уроженец Аппенцелля, когда его осторожно стали бы будить, сам не заметил бы, что даже ястреб и орел не отнимают у птиц яиц из гнезд, если птицы их еще не снесли. Он хотел во что бы то ни стало научиться искусству обучения, которое казалось ему столь важным для его деятельности. И так как ему представился случай побывать по поводу переселенцев из Аппенцелля у Фишера, его надежды на это вновь возросли. Фишер делал все возможное, чтоб сделать его в своем понимании образованным учителем. Однако, по моему мнению, он отдал излишнее предпочтение попытке поднять его в облака поверхностного искусства катехизирования, вместо того чтобы дать себе труд разъяснить ему основы тех вещей, по поводу которых он должен был катехизировать. Крюзи чтит его память, о своем благодетеле и друге говорит только с почтительностью и благодарностью. Но любовь к истине, которая и меня связывала с Фишером, требует, чтобы я не оставил в тени ни одного взгляда и ни одного обстоятельства, более или менее содействовавшего развитию во мне и моих помощниках образа мыслей и суждений, которые мы теперь разделяем по данному вопросу. Поэтому не могу обойти молчанием того, как Крюзи удивлялся легкости, с какой Фишер держал наготове большое количество вопросов по поводу множества предметов, и как Крюзи надеялся, приложив старания, со временем когда-нибудь также собрать достаточное количество вопросов для разъяснения всех главных предметов человеческого познания. Однако чем дальше, тем меньше он мог скрывать от себя, что если бы учительская семинария была тем средством, которое могло каждого

деревенского учителя поднять до такого искусства задавать вопросы, то необходимость в ней могла бы вызвать сомнения. Чем больше он работал с Фишером, тем более высокой казалась ему гора, стоявшая перед ним, и тем меньше он ощущал в себе сил, которые, как он видел, требовались, чтобы взойти на ее вершину. Но Крюзи уже в первые дни своего пребывания здесь слышал мои беседы с Фишером о воспитании и народном образовании, а я определенно высказывался против сократического метода наших кандидатов, говоря, что я отнюдь не за то, чтобы преждевременно делать мни-мозрелыми суждения детей о каком-либо предмете, а скорее за то, чтобы по возможности дольше задерживать их, пока дети всесторонне и при различных обстоятельствах не познакомятся со всеми предметами, о которых они должны высказаться, а также со словами, обозначающими свойства и сущность этих предметов. Таким образом, Крюзи тотчас же почувствовал, что ему самому не хватает этих качеств и что он, следовательно, нуждается в том, чтобы им руководили так, как я собирался руководить своими детьми. В то время как Фишер делал со своей стороны все, чтобы ввести его в несколько отраслей знания и подготовить к их преподаванию, Крюзи с каждым днем все больше чувствовал, что на книжном пути у него ничего не получится, так как ему не хватает самых элементарных реальных и языковых знаний, более или менее полное владение которыми необходимо для изучения книг. Он все больше утверждался в этом важном для него сознании, так как был очевидцем результатов моих занятий с детьми, во время которых я низводил их к самым азам человеческих познаний, и терпения, с которым я задерживаюсь на этих азах. Это целиком изменило взгляд Крюзи на обучение и все главнейшие представления о нем. Теперь Крюзи увидел, что всеми своими действиями я больше стараюсь развивать в детях интенсивную силу, нежели добиваться изолированных результатов отдельных моих действий. То, что дало применение этого принципа, убедило его в достоинствах всего моего развивающего метода, благодаря которому в детях закладывается фундамент для развития ума и дальнейших успехов, что иначе никак не может быть достигнуто. Между тем конечная цель Фишера - создание учительской семинарии - встретила препятствия, и он снова был отозван в канцелярию министра наук, но оставил за собой право дожидаться лучших времен для организации своего учреждения, а также право руководить школами Бургдорфа и после своего отъезда оттуда. Школы подлежали преобразованию и нуждались в этом, но если в своем присутствии, при затрате всех своих сил и времени, Фишер не смог даже положить начала этим преобразованиям, то тем более

он не смог бы осуществить их в свое отсутствие, будучи к тому же занят многими другими делами. Положение же Крюзи стало еще более затруднительным из-за отсутствия Фишера. Крюзи чувствовал, что то, чего ждал от него Фишер, без личного присутствия и помощи последнего ему все меньше становилось по плечу. И вскоре после отъезда Фишера Крюзи и ему, и мне выразил желание присоединиться со своими детьми к моей школе. Но как ни нуждался я в помощи, которой у меня совершенно не было, я тогда все же отклонил это предложение, потому что не хотел обидеть Фишера, продолжавшего стремиться у к созданию своей семинарии и привязанного к Крюзи. Но вскоре после этого Фишер заболел, и Крюзи сказал ему, когда говорил с ним в последний раз, что объединение необходимо. Ласковый кивок был ответом умирающего. Память о Фишере всегда будет драгоценна для меня. С энергией и благородством он стремился к той же цели, что и я. Если бы он был жив и смог дождаться того часа, когда мой опыт станет зрелым, мы все наверное объединились бы.

После смерти Фишера я сам настаивал на объединении школы Крюзи с моей, и мы оба почувствовали заметное облегчение; но вместе с тем столь же заметно увеличились трудности в осуществлении плана. Уже находившиеся у меня дети из Бургдорфа различались по возрасту, развитию и привычкам; поступление же детей из малых кантонов увеличило трудности, тем более что эти дети наряду с указанными различиями внесли в мою классную комнату еще и естественную свободу в мышлении, чувствах и речах. Это обстоятельство в сочетании с инсинуациями против моего метода делало с каждым Днем все тягостнее недостаток твердой организационной основы в моем методе обучения, который следовало рассматривать только как пробный опыт.

Я в своем положении нуждался в абсолютной свободе для опытов, а частные лица делали мне ежеминутно указания, как мне организовать обучение детей, которых они присылали. В местности, где с вековых времен в педагогических и учебных делах привыкли довольствоваться очень немногим, теперь от меня требовали, чтобы метод обучения, охватывающий все основы человеческих знаний и рассчитанный притом на применение лишь к детям самого раннего возраста, вызывал общий и обязательно большой эффект по отношению к детям двенадцати-четырнадцатилетнего возраста, огрубевшим в горах в обстановке свободы, абсолютно не заставлявшей задумываться, настроенным притом недоверчиво в отношении метода обучения. Этого, конечно, не произошло, из чего было сделано заключение, что мой метод ничего не стоит. Его спутали с обычными

усовершенствованиями в обучении азбуке и письму. Мои конечные цели найти во всех разделах человеческой деятельности и знания твердые и надежные основы, мое стремление простым и доступным всем путем укрепить душевные силы детей для овладения любыми знаниями, мое спокойное и кажущееся равнодушным выжидание результатов начинаний, которые должны были развиваться постепенно, сами по себе,- все это представлялось людям воздушными замками. Они ни о чем не догадывались и ничего не понимали в том, что я делал; напротив, там, где я развивал способности, они находили пустоту. Они говорили, что дети не овладевают чтением, тогда как я учил их именно правильно читать; они говорили, что дети не овладевают письмом, в то время как я учил их именно правильно писать. Наконец, они даже говорили, что дети не приучаются быть благочестивыми, в то время как я делал все, чтобы убрать с пути главные препятствия, которые благочестию чинила школа, и особенно возражал против того, что попугайская зубрежка гейдельбергского катехизиса якобы и есть тот способ обучения, посредством которого спаситель старался возвысить род человеческий до почитания бога и поклонения ему в вере и правде. Я действительно без боязни говорил, что истинный бог не есть бог, которому нравятся глупость и заблуждения, ханжество и пустословие. Я без боязни говорил, что усилия научить детей правильно думать, чувствовать и действовать, научить их оживать в себе и ощущать благодать веры и любви до того, как в их память вдолбят в качестве якобы средства развития разума и упражнения ума догмы позитивной религии с ее никогда не разрешавшимися спорными вопросами,- не направлены ни против бога, ни против религии. Но все же я не могу сердиться на людей за недоразумение, жертвой которого чуть не стал; ведь они желали добра, и я вполне понимаю, что при шарлатанстве нашей педагогики мои суровые поиски нового пути могли ввести в заблуждение людей, которые, как и многие другие, предпочитают увидеть одну рыбину в своем садке, чем озеро, полное карпов, за горой. Я продолжал идти своим путем, и Крюзи все больше набирался сил рядом со мной. Он вскоре убедился в основных положениях, которые предстали, однако, перед ним не в виде зрелых воспитательных истин, а лишь в виде первоначальных взглядов на становившиеся все более и более определенными принципы воспитания. Эти положения заключаются главным образом в следующем:

1. Посредством хорошо систематизированной и навсегда заученной номенклатуры можно заложить общий фундамент для всякого рода познаний, пользуясь которым дети и учителя с помощью друг друга, а также сами по себе постепенно, по верно могут возвыситься до ясных понятий во

всех

отраслях

знаний.

2. Благодаря упражнениям в вычерчивании линий, углов и дуг, которыми я тогда начал заниматься, достигается четкость в наглядном восприятии всех предметов и дети приобретают умение, которое в дальнейшем поможет им постепенно уточнить и уяснить себе все то, что входит в круг их опыта.
3. Упражнения детей в элементарном вычислении следует производить, пользуясь реальными предметами или по меньшей мере их изображениями; дети должны прочно усвоить основы арифметики, так как это предохранит их от ошибок и путаницы в дальнейшем.
4. Заученные детьми наизусть описания таких действий и состояний, как ходьба, стояние, лежание, сидение и т. д., показали Крюзи связь основных моих начальных положений с целью, которой я старался добиться с их помощью,- постепенного уяснения всех этих понятий. Он вскоре почувствовал, что, заставляя детей описывать таким образом предметы, настолько ясные для детей, что их опыт уже ничего не сможет больше дать для их дальнейшего уяснения, он тем самым частично отвлекает детей от попыток описать что-либо, чего они не знают, этот метод придает детям силу, позволяющую им производить описания во всех областях знаний, почерпнутых из наблюдений, цельно, определенно, кратко и полно.
5. Очень большое впечатление произвели на него несколько слов, которые я однажды сказал о значении своего метода для борьбы с предрассудками. А именно: я сказал, что истина, вытекающая из наблюдения, делает излишними утомительные речи и разнообразные словесные махинации, которые почти столь же предохраняют от заблуждений и предрассудков, как и колокольный звон от опасности возникновения грозы. Это происходит еще и потому, что такая истина вызывает в человеке силу, которая сама всячески мешает проникновению в его душу предрассудков и заблуждений. Но там, где из-за вечного многословия рода людского предрассудки и заблуждения все же коснутся слуха этого человека, истина настолько их обезвредит, что они на него не смогут произвести того же впечатления, какое они оказывают на обыкновенных смертных: ведь как истина, так и заблуждение становятся достоянием воображения не в результате наблюдения, а благодаря магическим словам, как бы с помощью *laterna magica*. Это высказывание привело Крюзи к определенному убеждению, что с помощью моего немногословного метода можно сделать больше для борьбы с заблуждениями и предрассудками, чем удалось это до сих пор сделать неизмеримым количеством речей, которые пускали в ход, или, вернее говоря, которыми грешили, против этих заблуждений и предрассудков.
6. Собираение растений, которым мы занимались последним летом, а также

связанные с этим занятием беседы в особенности привели его к убеждению, что весь круг познаний, которыми мы обязаны нашим чувствам, является следствием внимательного отношения к природе, прилежного собирания и запоминания всего, что природа предоставляет нам для изучения. Все эти взгляды в сочетании с усилившейся потребностью непременно согласовать между собой все средства обучения и все учебные предметы привели Крюзи к убеждению, что возможно создать такой метод обучения, в котором основы всех знаний и всех умений будут так объединены, что учителю придется изучать только метод их применения; руководствуясь им, учитель сможет добиться того, что он сам и дети овладеют всеми знаниями, которые приобретаются в процессе обучения. Крюзи пришел, следовательно, к убеждению, что при этом методе обучения требуется не ученость, а здравый смысл и навыки в применении метода, чтобы не только заложить в детях прочные основы всех познаний, но и поднять родителей и учителей благодаря только одному участию в применении этих средств познания до достаточной внутренней самостоятельности. Как уже говорилось, Крюзи шесть лет был деревенским учителем и у него было очень большое количество учеников разного возраста; но при всех своих стараниях он никогда не видел, чтобы детские силы так развивались и достигали такой степени твердости, уверенности, широты и свободы, до какой они возвысились здесь. Он расследовал этот факт и нашел несколько причин. Во-первых, он увидел, что основное положение - начинать с самого легкого и, прежде чем идти дальше, доводить это легкое до совершенства, а затем, постепенно продвигаясь вперед, добавлять очень немного нового к уже вполне выученному - пусть даже и не вызывает в детях в первый момент обучения чувства собственного достоинства и сознания своих сил, но сохраняет в них живое и великое свидетельство их неослабленной природной силы.

При этом методе, говорит он, детьми приходится только руководить, но никогда не приходится понукать их. Раньше при любом деле, которому он должен был их научить, ему всегда приходилось говорить: «Подумайте же», - или же: «Вы не вспоминаете?» Иначе и быть не могло. Когда он, например, при вычислении спрашивал: «Сколько раз семь содержится в шестидесяти трех?» - ребенок не мог опереться на чувственное восприятие в своем ответе и ему приходилось с трудом догадываться о нем путем размышления. Теперь по этому методу перед его взором стоят семью девять (7x9) предметов и он научился их считать как девять стоящих рядом друг с другом семерок; следовательно, ему не надо больше думать над этим вопросом. Из того, чему он уже научился, он знает то, о чем его теперь, хоть и в первый

раз, спрашивают, а именно, что семь в шестидесяти трех содержится девять раз. Так обстоит дело повсюду, где применяется этот метод. Когда, например, прежде Крюзи нужно было приучать детей писать существительные с заглавной буквы, они постоянно забывали правило, которым должны были руководствоваться; по, так как он теперь использовал несколько листов нашего методического словаря для простого упражнения в чтении, они сами догадались пополнить эти ряды в алфавитном порядке известными им именами существительными, а этот опыт предполагает уже полное понимание различия между этим видом слов и всеми другими. Несомненно, что этот метод несовершенен еще в тех случаях, где требуется также каким-либо образом побуждать детей к размышлению; он несовершенен во всех случаях, когда какое-нибудь упражнение не вытекает само собой и без усилий из того, что ребенок уже знает. Далее он заметил, что слова и картинки, которые я в отдельности показывал детям при обучении чтению, действовали на них совершенно иначе, чем связные предложения, которыми их потчует обычное преподавание. И сам теперь, взглядываясь в эти предложения, он находил, что в них отсутствуют те свойства, которые могут вызвать у детей наглядные представления о природе отдельных слов, составлявших эти предложения. Он заметил, что дети в сочетании отдельных слов находят не простые знакомые им слова, а путаницу непонятных соединений неизвестных предметов; посредством этих сочетаний слов детей вопреки их природе, сверх их сил и с помощью всякого рода обманчивых приемов заставляют вдумываться в ряды мыслей, не только чуждых им по существу, но и выраженных таким искусственным языком, начатки которого они не пытались даже изучать. Крюзи видел, что я отвергаю эту мешанину наших школьных знаний и, как природа дикарям, всегда показываю своим детям только картину, а потом уже ищу для нее подходящее слово. Он видел, что эта простота показа не вызывает в детях ни суждений, ни выводов, так как таким путем ничего не преподносится им в качестве догмата или в какой-либо связи с истиной или заблуждением, а все дается им просто как материал для наблюдения и как основание для будущих суждений и заключений, а также как путеводная нить, по следу которой они позже должны будут сами продвигаться вперед, соединяя в одну цепь свой прежний и будущий опыт. Крюзи видел и все больше убеждался в том, что сущность метода состоит в низведении всех средств познания к начальным пунктам в каждой отрасли познания и постепенном присоединении к этим начальным пунктам в каждой отрасли всегда лишь небольших добавлений, чем обеспечивается непрерывное продвижение вперед ко все более обширным и новым знаниям.

Поэтому с каждым днем он становился все более и более способным работать вместе со мной в духе этих принципов и вскоре помог мне составить книгу слогов и пособие по арифметике, в которых эти принципы в значительной мере соблюдены.

В первые дни своей совместной работы со мной Крюзи пожелал отправиться в Базель, чтобы рассказать Тоблеру, к которому сердечно был привязан, о смерти Фишера и о своем теперешнем положении. Я воспользовался этим случаем, чтобы сказать, что для моих литературных трудов мне обязательно требуется помощь и что я буду очень рад, если удастся связаться с Тоблером, которого я уже знал по его переписке с Фишером. Я тут же сказал Крюзи, что для своих целей мне так же настоятельно требуется человек, который умеет рисовать и петь. Он Приехал в Базель, говорил с Тоблером; тот почти тотчас же решился исполнить мое желание и приехал в Бургдорф через несколько недель. Когда Крюзи рассказал ему, что мне требуется также рисовальщик, он вспомнил о Буссе, который тоже так же быстро принял предложение. Оба уже восемь месяцев здесь, и я полагаю, что тебе, наверное, будет интересно прочесть их мнение об этом предмете, основанное на опыте. Тоблер был в течение пяти лет домашним учителем в одном почтенном базельском доме. Его мнение о состоянии моего дела и собственной педагогической деятельности следующее.

«После шестилетних напряженных усилий я нашел, что успех моего преподавания не соответствует надеждам, которые я на него возлагал. Духовные силы детей не возражали ни пропорционально моим усилиям, ни даже в той мере, в какой должны были они возражать в соответствии с действительными знаниями детей. Даже отдельные знания, которые я давал детям, как мне казалось, не были ими в должной мере осознаны и прочно, основательно усвоены.

Я пользовался лучшими учебниками нашего времени. Но они или состояли из слов, значительная часть которых была детям непонятна, или же настолько были заполнены понятиями, выходящими за пределы опыта детей и столь были чужды свойственному их возрасту наглядному восприятию вещей, что требовалось огромное количество времени и досуга для объяснения того, что было им непонятно в учебнике. Но само это объяснение было обременительным трудом, который содействовал действительному внутреннему развитию детей не больше, чем отдельный луч света, изредка проникающий в темную комнату или прорезывающий мрак густого непроницаемого тумана. Это тем более имело место, что многие из этих книг с их образами и представлениями опускались до предельной глубины человеческого сознания или поднимались выше облаков и даже до

самого вечно прекрасного неба, прежде чем они разрешали детям поставить ногу на милую землю, на которой люди все же в силу необходимости вынуждены сначала стоять, если они должны научиться ходьбе до того, как научатся летать, и если у них должны вырасти крылья, чтобы хотя сколько-нибудь взлететь.

Смутное понимание всего этого уже рано вызвало у меня попытки занять моих юных питомцев наглядными представлениями, а более старших поднять путем сократического метода до четких понятий. Первая попытка привела к тому, что малыши усвоили некоторые сведения, которые детям этого возраста обычно неизвестны. Я хотел объединить этот способ обучения с теми способами, что встретились мне в лучших книгах; однако все книги, которые я пожелал использовать для этого, были написаны таким образом, что заранее предполагали наличие того, что еще только должно было быть дано детям,- знание языка. Поэтому и применение мною сократического метода по отношению к старшим питомцам имело тот ощутимый результат, который имеют и должны иметь все объяснения слов, когда они или даются, не основываясь на знании самих предметов, или же излагаются таким языком, о составных частях которого дети не имеют ясных представлений. То, что дети сегодня усваивали, через несколько дней непонятным для меня образом исчезало из их сознания, и чем больше я старался им все разъяснить, тем больше они, казалось, теряли способность собственными силами отыскать исчезнувшее в том мраке, в который его погрузила природа. Таким образом, я чувствовал, что все мое положение и все поставленные мной задачи чинят непреодолимые препятствия для выполнения моего дела, а мои беседы с окружавшими меня школьными учителями и воспитателями еще больше усилили мое убеждение, что и они, несмотря на огромные педагогические библиотеки, существующие в наш век, чувствуют то же, что я, и, ведя занятия со своими учениками, ежедневно попадают в подобное же затруднительное положение. Я чувствовал, что эти затруднения двойным и десятикратным грузом должны были бы лечь и на учителей низших школ, если бы жалкий ремесленный подход к своей работе не делал их совершенно неспособными на это чувство. Я жил, искренне, хотя еще неясно ощущая пробелы, которые свойственны сущности всего воспитания, и всеми силами искал средства их заполнить. Теперь я возымел намерение, частично пользуясь своим собственным опытом, частично книгами по воспитанию, собрать все способы и средства, которые позволили бы избежать встречающиеся мне трудности при воспитании детей разных возрастов. Но вскоре я почувствовал, что всей моей жизни не хватит для достижения этой цели. С этой целью я уже сделал целые книги выписок, когда Фишер в

нескольких письмах обратил мое внимание на метод Песталоцци и навел на мысль, что он, может быть, хочет, не прибегая к моим средствам, достичь той же цели, которой я добиваюсь. Я подумал, что мой систематически-научный метод сам создает трудности, которых нет на пути Песталоцци, и что современное искусство преподавания само по себе создает пробелы, которые Песталоцци не приходится заполнять, потому что он этого искусства не знает и им не пользуется. Многие из его средств, например рисование на аспидных досках, казались мне настолько простыми, что я не мог понять, почему я сам давно уже не напал на такую мысль. Я заметил, что здесь используется то, что всегда лежало под носом. В особенности меня привлек к его методу принцип вновь воспитать матерей для той цели, для которой они так удивительно предназначены природой, потому что в моих собственных опытах я исходил как раз из этого принципа. Я приобрел еще большую уверенность в правоте своих взглядов после приезда в Базель Крюзи, который в местном женском институте продемонстрировал метод Песталоцци при обучении складам, чтению и арифметике. Пасторы Фэш и фон Бруни, организовавшие преподавание и частично управление в том же институте на основе первых сведений о методе Песталоцци, который мы еще знали не полностью, сразу увидели, какое сильное впечатление на детей произвели совместное чтение и складывание слогов, а также отбивавшийся при этом такт; немногие материалы по арифметике и письму, которые Крюзи привез с собой, а также некоторые примеры из словаря, предназначенного Песталоцци для детей в качестве первой книги для чтения, показали нам, что этот метод имеет глубокие психологические основы. Все это быстро привело меня к решению пойти навстречу желанию Песталоцци объединиться со мной. Я прибыл в Бургдорф и при первом взгляде на это зарождавшееся дело увидел, что мои ожидания оправдались. Так удивительно обнаруживающиеся во всех детях силы, а также простота и многосторонность средств, содействовавших их развитию, изумили меня. То, что Песталоцци совершенно не обращает внимания на все предыдущее искусство преподавания, простота образов, которые он запечатлевал, резкое разделение применяемых им средств обучения на части, которые должны изучаться в разное время и посредством прогрессивных приемов, отказ от всего сложного и запутанного, молчаливое воздействие исключительно на духовные силы детей, закрепление им слова, с которым в данный момент приходилось иметь дело, и особенно сила, с которой предо мной, казалось сами по себе, возникали некоторые из его средств обучения, словно новое творение, созданное из элементов искусства и человеческой природы,- все

это в высшей степени возбуждало мое внимание. Правда, кое-что в его опытах казалось мне действительно непсихологичным, например произнесение вслух для повторения детьми трудных, запутанных предложений, которые сперва должны были произвести на ребенка весьма неясное впечатление. Однако, когда я, с одной стороны, увидел, с какой энергией он подготавливал постепенное разъяснение понятий, и, с другой - когда он мне ответил по этому поводу, что сама природа сначала дает возможность все воспринять только беспорядочно и смутно, а потом хотя и медленно, но верно приводит все к ясности,- я больше не возражал, тем более что отдельным своим исканиям он, как я видел, не придавал особого значения и многое пробовал, чтобы потом от него отказаться. Многие из этих исканий имели своей целью только развить духовные силы детей и раскрыть те основания и принципы, которые побудили к применению этих отдельных средств. Поэтому я не давал вводить себя в заблуждение, тем более что в отношении некоторых из его средств мне бросилась в глаза неуверенность и слабость отдельных начальных опытов; к тому же я вскоре убедился, что постепенное их улучшение заложено было в самой их природе. Действительно, в этом меня убеждали занятия арифметикой, рисованием, а также основные его средства обучения языку. Теперь мне с каждым днем становилось яснее, что его отдельные средства благодаря взаимосвязи целого оказывают воздействие на все средства, и преимущественно на восприимчивость детей ко всем средствам. Я, таким образом, увидел, как эти средства - даже раньше, чем они были возведены в принцип,- благодаря ежедневному их применению настолько совершенствовались, что обязательно достигали цели, которой Песталоцци добивался. В своих исканиях и проверке опытным путем этих средств он не успокаивается до тех пор, пока не сочтет физически невозможным далее упрощать их сущность и глубже закладывать их основания. Это стремление к упрощению целого и к завершенности частного усилило во мне чувство, которое я раньше смутно ощущал, что все средства, при помощи которых пытаются добиться развития человеческого ума посредством сложного искусственного языка, содержат в самих себе помехи для своего успеха. Я также почувствовал, что все средства воспитания и развития должны быть доведены до самой предельной простоты как в отношении их внутренней сущности, так и в отношении соответствующей ей психологически правильной постановки обучения языку, если мы действительно желаем помочь природе в ее самостоятельной деятельности, которую она ведет для развития человеческого рода. Таким образом, мне постепенно становилось ясным, чего он добивался, выделяя обучение языку, почему он производство

арифметических действий сводил к твердому и полному осознанию того принципа, что всякое арифметическое действие есть не что иное, как сокращение простого счета, а числа в свою очередь не что иное, как сокращение утомительных выражений, вроде один и один и еще один составляют столько-то; для меня становилось ясным и то, почему он на раннем развитии способности чертить линии, углы, четырехугольники и дуги основывал при помощи искусства обучения развитие любых способностей и даже умение точно представить себе всякий реальный предмет. Иначе и быть не могло, я день ото дня все более и более убеждался в преимуществах метода Песталоцци, так как мог ежедневно наблюдать, как пробуждались и развивались на основе применения этих принципов способности детей к измерению, вычислению, письму и рисованию. Я с каждым днем все больше приходил к убеждению, что действительно возможно достигнуть цели, которая, как я уже говорил, очень вдохновила мою собственную деятельность, а именно воспитать матерей к тому, к чему они так удивительно предназначены природой, что дало бы возможность построить даже низшую ступень обычного школьного обучения на результатах полученного детьми материнского обучения. Я видел, что положено начало общему психологическому средству, с помощью которого каждому отцу и каждой матери, которые почувствуют склонность к этому, будет дана возможность самим обучать своих детей, и благодаря этому отпадет призрачная необходимость долгосрочной подготовки школьных учителей с помощью дорогостоящих семинарий и библиотек. Одним словом, благодаря впечатлению, полученному от всего этого в целом и подтвержденному моими непрерывными наблюдениями, я смог вновь восстановить в себе веру, которую в начале моего педагогического пути с большой теплотой поддерживал в себе, но на более позднем его этапе под бременем современного педагогического искусства обучения и современных вспомогательных средств чуть не утратил, - веру в возможность облагородить род человеческий».